

Англия 1045 год от Рождества Христова. В большом зале огромного поместья собрались четыре волшебницы. Все они были достаточно высокие и красивые. Две брюнетки, рыжая и блондинка, сидели за одним столом. Мало кто знал, что Салазара, Годрия, Ровена и Хельга никогда не были людьми. Они являлись избранницами самой Магии, призванными следить за порядком в магическом мире Туманного Альбиона. После создания Хогвартса и уничтожения Утера Пендрагона с его соратниками — магоненавистниками, на территории Альбиона царил мир и покой.

— Хогвартс успешно выполняет свою роль. Я думаю, нам пора погрузиться в магический сон, так как везде царит мир и спокойствие, кроме того мы положили начало новым магическим родам. Наследники уже сами могут позаботиться обо всем и нам нет нужды вмешиваться. Да и вообще не стоит смертным знать о нашем истинном происхождении — первой высказалась Салазара, окинув своих собеседниц пристальным взглядом своих зеленых глаз.

— А ты точно уверена, что во время нашего «отсутствия» ничего не случится? — поинтересовалась Ровена, тогда как Годрия и Хельга предпочли промолчать. Какое-то мгновение в зале царила тишина.

— Уверена, наши рода сильны как никогда. Да и маги в целом. Вряд ли что-то изменится, но если что нас разбудят, избранные хранители этого поместья. Они получили инструкции как это сделать — произнесла Слизерин.

— Что же, значит так и поступим — подвела итог рыжеволосая волшебница. После чего четверо девушек зашли в специальные магические саркофаги и погрузились в длительный сон, не зная о том, что предположения Салазары не оправдаются. Шло время, сменялись поколения волшебников, начинались и заканчивались войны. Рода Основательниц постепенно приходили в упадок и вырождались. После длительной войны с Церковью был принят пресловутый Статут Секретности, изолирующий магический мир от обычного. С течением времени хранители секрета четверки были перебиты во время гражданских магических войн. Было создано министерство магии и начался постепенный процесс деградации магического искусства на территории Соединенного королевства. До власти дорвались слабые волшебники, чаще всего магглорожденные, начавшие запрещать все то, что они сами постичь были не в силах. Раскол на чистокровных и грязнокровок (большинство невежественных магглорожденных и полукровок) среди английских магов стал сильно выделяться. Многие магические искусства признавались темными и лишь в чистокровных родах ими продолжали заниматься. Шло ограничение прав волшебных народов, а некоторых как вампиров и оборотней, начали истреблять. Вейл фактически вынудили покинуть территорию Англии, часть из них переехали во Францию, а другие в Северную Америку. Предатели крови стали в Англии весьма вольготно себя чувствовать, продолжая преследовать чистокровных. А сама история четырех Основательниц Хогвартса была сильно искажена до неузнаваемости. Салазару представили как черную волшебницу, устремлявшуюся истребить всех магглорожденных и полукровок, что вообще не соответствовало действительности. Годрию представили как светлую волшебницу, забывая что боевая и вообще магия многогранна и Гриффиндор совершала иногда отнюдь не светлые поступки. Взять хотя бы войну с Пендрагоном, когда Годрия применив заклинание «Черной смерти» обратила в прах огромное рыцарское войско, а затем при помощи мощнейших огненных заклятий сожгла до основания весь Камелот — рассадник тогдашнего магоненавистничества. Да и Ровена с Хельгой недалеко ушли, практикуясь как в некромантии, так и в прочих магических искусствах, в последствии признанных темными. А то что произошло с Хогвартсом, было вообще из ряда вон выходящим. Во первых, один из директоров в 15 веке, установил на Распределяющей шляпе другое заклинание, отличное от того что изначально установила Годрия. Теперь учеников распределяли не по магической предрасположенности к тому или иному виду магических

искусств, а по чертам характера. Да и многие предметы с течением времени были убраны из школьной программы. И как следствие уровень магических умений английских магов с каждым столетием все падал и падал. В результате чего к концу 20 века английские волшебники, находились в самом конце длинного списка сильных магических стран мира, занимая 110 место. Лишь чистокровные маги из древних родов и редкие Обретенные из числа магглорожденных, а также сильные полукровки вроде Альбуса Дамблдора или Тома Реддла, что-то из себя представляли. Смотри за всем, что происходит в магической Англии, сама Магия, которую многие недалекие волшебники считали лишь неодушевленной энергией, тяжело вздыхала. Так как ей совершенно не нравилось все происходящее на Британских островах. Апофеозом всего безобразия стала новая гражданская магическая война, завершившаяся благодаря жертве Лили Поттер, урожденной Эванс, — истинной обретенной, проведеншей найденный в одной из книг находившейся в библиотеке Поттеров, специальный ритуал защиты основанный на магии крови. А заявления Дамблдора о силе материнской любви не имели ничего общего с действительностью.

Полночь. Небольшой город в пригороде Лондона. Все шло как обычно, пока в самом дальнем конце улицы не появился, словно из ниоткуда, странно одетый старик, с длинной белой бородой. А сидевшая возле четвертого дома кошка внезапно не оживилась, при его виде. Никто на Тисовой улице никогда не видел этого человека. Он был высок, худ и очень стар, судя по серебру его волос и бороды — таких длинных, что их можно было заправить за пояс. Он был одет в длинный сюртук, поверх которого была наброшена подметающая землю лиловая мантия, а на его ногах красовались ботинки на высоком каблуке, украшенные пряжками. Глаза за затемненными очками были голубыми, очень живыми, яркими и искрящимися, а нос — очень длинным и кривым, словно его ломали по крайней мере раза два. Звали этого человека Альбус Дамблдор. Казалось, Альбус Дамблдор абсолютно не понимает, что появился на улице, где ему не рады — не рады всему, связанному с ним, начиная от его имени и заканчивая ботинками. Однако его, похоже, это не беспокоило и он рылся в карманах своей мантии, пытаясь что-то отыскать. Он явно чувствовал, что за ним следят, потому что внезапно поднял глаза и посмотрел на кошку, взирающую на него с другого конца улицы. Странно, но вид кошки почему-то развеселил его.

— Это следовало ожидать, — пробормотал он, усмехнувшись. Наконец во внутреннем кармане он нашел то, что искал. Это был предмет, похожий на серебряную зажигалку. Альбус Дамблдор откинул серебряную крышечку, поднял зажигалку и щелкнул. Ближний к нему уличный фонарь тут же погас с негромким хлопком. Он снова щелкнул зажигалкой — и следующий фонарь погрузился во тьму. После двенадцати щелчков на Тисовой улице погасло все, кроме двух далеких, крошечных колючих огоньков — глаз неотрывно следившей за Дамблдором кошки. И если бы в этот момент кто-либо выглянул из своего окна этот человек не смог бы увидеть, что происходит на улице. Дамблдор засунул свою зажигалку — точнее, гасилку — обратно во внутренний карман мантии и двинулся к дому номер четыре. А дойдя до него, сел на забор рядом с кошкой и, даже не взглянув на нее, сказал:

— Странно видеть вас здесь, профессор МакГонагалл.

Он улыбнулся и повернулся к полосатой кошке, но та уже исчезла. Вместо нее на заборе сидела довольно сурового вида женщина в очках, форма которых была до странности похожа на отметины вокруг кошачьих глаз. Женщина тоже была в мантии, только в изумрудной. Ее черные волосы были собраны в тугий узел на затылке. И сразу было заметно, что вид у нее раздраженный.

— Как вы меня узнали? — спросила она.

— Мой дорогой профессор, я в жизни не видел кошки, которая сидела бы столь неподвижно.

— Станешь тут неподвижной — целый день просидеть на кирпичной стене, — парировала профессор МакГонагалл.

— Целый день? В то время как вы могли праздновать вместе с другими? По пути сюда я стал свидетелем, как минимум, дюжины вечеринок и гулянок.

Профессор МакГонагалл рассерженно фыркнула.

— О, да, действительно, все празднуют, — недовольно произнесла она. — Казалось бы, им следовало быть немного поосторожнее. Но нет — даже маглы заметили, что что-то происходит. Они говорили об этом в новостях. — Она резко кивнула головой в сторону темного окна, за которым находилась гостиная Дурслей.

— Я слышала. Стаи сов, падающие звезды. Что ж, они ведь не полные идиоты. Они просто обязаны были что-то заметить. Подумать только — звездопад в Кенте! Не сомневаюсь, что это дело рук Дедалуса Дингла. Он никогда не отличался особым умом.

— Не стоит их обвинять, — мягко ответил Дамблдор. — За последние одиннадцать лет у нас было слишком мало поводов для веселья.

— Знаю. — В голосе профессора МакГонагалл появилось раздражение. — Но это не оправдывает тех, кто потерял голову. Наши люди ведут себя абсолютно безрассудно. Они появляются на улицах среди бела дня, собираются в толпы, обмениваются слухами. И при этом им даже не приходит в голову одеться, как маглы.

Она искоса взглянула на Дамблдора своими колючими глазами, словно надеясь, что он скажет что-то в ответ, но Дамблдор молчал, и она продолжила:

— Будет просто превосходно, если в тот самый день, когда Вы-Знаете-Кто наконец исчез, маглы узнают о нашем существовании. Кстати, я надеюсь, что он на самом деле исчез, это ведь так, Дамблдор?

— Вполне очевидно, что это так, — ответил тот. — Так что это действительно праздничный день. Не хотите ли лимонную дольку?

— Что?

— Засахаренную лимонную дольку. Это такие сладости, которые едят маглы, — лично мне они очень нравятся.

— Нет, благодарю вас. — Голос профессора МакГонагалл был очень холоден, словно ей совсем не казалось, что сейчас подходящее время для поедания лимонных долек — Итак, я остановилась на том, что даже если Вы-Знаете-Кто действительно исчез...

— Мой дорогой профессор, мне кажется, что вы достаточно разумны, чтобы называть его по имени. Это полная ерунда — Вы-Знаете-Кто, Вы-Не-Знаете-Кто... Одиннадцать лет я пытаюсь убедить людей, что они не должны бояться произносить его настоящее имя — Волан-де-Морт.

Профессор МакГонагалл вздрогнула, но Дамблдор, поглощенный необходимостью разделить

две слипшиеся лимонные дольки, похоже, этого не заметил.

— На мой взгляд, возникает ужасная путаница, когда мы говорим: Вы-Знаете-Кто, — продолжил он. — Никогда не понимал, почему следует бояться произносить имя Волан-де-Морта.

— Да-да, конечно. — В голосе профессора раздражение чудесным образом сочеталось с обожанием. — Но вы не такой, как все. Все знают, что вы единственный, кого Вы-Знаете-Кто — хорошо-хорошо, кого Волан-де-Морт — боялся.

— Вы мне льстите, — спокойно ответил Дамблдор. — Волан-де-Морт обладал такими силами, которые мне неподвластны.

— Только потому, что вы слишком благородны для того, чтобы использовать эти силы. — Мне повезло, что сейчас ночь. Я не краснел так сильно с тех пор, как мадам Помфри сказала мне, что ей нравятся мои новые ушные затычки.

Взгляд профессора МакГонагалл уткнулся в Альбуса Дамблдора.

— А по сравнению с теми слухами, которые курсируют взад и вперед, стаи сов — это просто ничто. Вы знаете, о чем все говорят? Они гадают, почему он исчез? Гадает, что же наконец смогло его остановить?

Впечатление было такое, что профессор МакГонагалл наконец заговорила о том, что беспокоило ее больше всего, о том, что ей так хотелось обсудить, о том, ради чего она просидела целый день как изваяние на холодной каменной стене. И буравящий взгляд, которым она смотрела на Дамблдора, только подтверждал это. Было очевидно: несмотря на то что она знает, о чем говорят все вокруг, она не поверит в это, пока Дамблдор не скажет ей, что это правда. Однако Дамблдор, увлекшийся лимонными дольками, с ответом не торопился.

— Говорят, — настойчиво продолжила профессор МакГонагалл, — говорят, что прошлой ночью Волан-де-Морт появился в Годриковой Впадине. Что он появился там из-за Поттеров. Если верить слухам, то Лили и Джеймс Поттеры. Они мертвы...

Дамблдор склонил голову, и профессор МакГонагалл судорожно втянула воздух

— Лили и Джеймс... Не может быть... Я так не хотела в это верить... О, Альбус...

Дамблдор протянул руку и коснулся ее плеча.

— Я понимаю... — с горечью произнес он. — Я очень хорошо вас понимаю.

Когда профессор МакГонагалл снова заговорила, голос ее дрожал:

— И это еще не все. Говорят, что он пытался убить сына Поттеров, Гарри. Но не смог. Он не смог убить этого маленького мальчика. Никто не знает почему, никто не знает, как такое могло произойти. Но говорят, что, когда Волан-де-Морт попытался убить Гарри Поттера, его силы вдруг иссякли — и именно поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это правда? — запинаясь, спросила профессор МакГонагалл. — После всего, что он сделал. После того, как он убил столько из нас, он не смог убить маленького мальчика? Это просто

поразительно. Если вспомнить, сколько раз его пытались остановить. Какие меры для этого предпринимались. Но каким чудом Гарри удалось выжить?

— Мы можем лишь предполагать, — ответил Дамблдор. — Возможно, мы так никогда и не узнаем правды.

Профессор МакГонагалл достала из кармана кружевной носовой платок и принялась вытирать слезы под очками. Дамблдор шумно втянул носом воздух, достал из кармана золотые часы и начал пристально их разглядывать. Это были очень странные часы. У них было двенадцать стрелок, но не было цифр — вместо цифр там были маленькие планеты, при этом они не стояли на месте, а безостановочно вращались по кругу. Однако Дамблдор прекрасно понимал, что именно показывают часы, потому что он засунул их обратно в карман и произнес:

— Хагрид задерживается. Кстати, я полагаю, именно он сказал вам, что я буду здесь? — Да, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Но, я полагаю, вы не скажете мне, почему вы оказались именно здесь?

— Я здесь, чтобы отдать Гарри его тете и дяде. Они — единственные родственники, которые у него остались.

— Неужели вы имеете в виду тех, кто живет здесь?! — вскрикнула профессор МакГонагалл, вскакивая на ноги и тыча пальцем в сторону дома номер четыре. — Дамблдор, вы этого не сделаете. Я наблюдала за ними целый день. Вы не найдете другой парочки, которая была бы так непохожа на нас. И у них есть сын — я видела, как мать везла его в коляске, а он пинал ее ногами и орал, требуя, чтобы ему купили конфету. И вы хотите, чтобы Гарри Поттер оказался здесь?!

— Для него это лучшее место, — твердо ответил Дамблдор. — Когда он повзрослеет, его тетя и дядя смогут все ему рассказать. Я написал им письмо.

— Письмо? — очень тихо переспросила профессор МакГонагалл, садясь обратно на забор. — Помилуйте, Дамблдор, неужели вы на самом деле думаете, что сможете объяснить в письме все, что случилось? Эти люди никогда не поймут Гарри! Он станет знаменитостью, даже легендой — я не удивлюсь, если сегодняшний день войдет в историю как день Гарри Поттера! О нем напишут книги, каждый ребенок в мире будет знать его имя! — Совершенно верно, — согласился Дамблдор, очень серьезно глядя на профессора поверх своих затемненных очков. — И этого будет достаточно для того, чтобы вскружить голову любому мальчику: стать знаменитым прежде, чем он научится ходить и говорить! Он даже не будет помнить, что именно его прославило! Неужели вы не видите, насколько лучше для него самого, если он будет жить здесь, далеко от нашего мира, до тех пор, пока не вырастет и будет в состоянии справиться со своей славой?

Профессор МакГонагалл поспешно открыла рот, чтобы сказать что-то резкое, но, передумав, сделала глубокий вдох и перевела дыхание.

— Да, конечно же вы правы. Но скажите, Дамблдор, как мальчик попадет сюда? Она внимательно оглядела его мантию, словно ей вдруг пришло в голову, что под ней он прячет Гарри.

— Его принесет Хагрид.

— Вы думаете, это разумно — доверить Хагриду столь ответственное задание?

— Я бы доверил ему свою жизнь, — просто ответил Дамблдор.

— Я не ставлю под сомнение его преданность вам, — неохотно выдавила из себя профессор МакГонагалл. — Но вы ведь не станете отрицать, что он небрежен и легкомыслен. Он... Что это там?

Ночную тишину нарушили приглушенные раскаты грома. Их звук становился все громче. Дамблдор и МакГонагалл стали вглядываться в темную улицу в поисках приближающегося света фар. А когда они наконец догадались поднять головы, сверху послышался рев, и с неба свалился огромный мотоцикл. Он приземлился на Тисовой улице прямо перед ними. Байк был исполинских размеров, но сидевший на нем человек был еще больше. Он был почти вдвое выше обычного мужчины и по меньшей мере в пять раз шире. Попросту говоря, он был непозволительно велик, и к тому же имел дикий вид — спутанная борода и заросли черных волос практически полностью скрывали его лицо. Его ладони были размером с крышки от мусорных баков, а обутые в кожаные сапоги ступни — величиной с маленьких дельфинов. Его гигантские мускулистые руки прижимали к груди сверток из одеял.

— Ну наконец-то, Хагрид. — В голосе Дамблдора явственно слышалось облегчение. — А где ты взял этот мотоцикл?

— Да я его одолжил, профессор Дамблдор, — ответил гигант, осторожно слезая с байка. — У молодого Сириуса Блэка. А насчет ребенка — я привез его, сэр.

— Все прошло спокойно?

— Да не очень, сэр, от дома, считайте, камня на камне не осталась. Маглы это заметили, конечно, но я успел забрать ребенка, прежде чем они туда нагрянули. Он заснул, когда мы летели над Бристолем.

Дамблдор и профессор МакГонагалл склонились над свернутыми одеялами. Внутри, еле заметный в этой куче тряпья, лежал крепко спящий маленький мальчик. На лбу, чуть пониже хохолка иссиня-черных волос, был виден странный порез, похожий на молнию. — Значит, именно сюда... — прошептала профессор МакГонагалл.

— Да, — подтвердил Дамблдор. — Этот шрам останется у него на всю жизнь.

— Вы ведь можете что-то сделать с ним, Дамблдор? — Даже если бы мог, не стал бы. Шрамы могут сослужить хорошую службу. У меня, например, есть шрам над левым коленом, который представляет собой абсолютно точную схему лондонской подземки. Ну, Хагрид, давай ребенка сюда, пора покончить со всем этим. Дамблдор взял Гарри на руки и повернулся к дому Дурслей.

— Могу я... Могу я попрощаться с ним, сэр? — спросил Хагрид. Он нагнулся над мальчиком, заслоняя его от остальных своей кудлатой головой, и поцеловал ребенка очень колючим из-за обилия волос поцелуем. А затем вдруг завыл, как раненая собака. — Тс-с-с! — прошипела профессор МакГонагалл. — Ты разбудишь маглов!

— П-п-простите, — прорыдал Хагрид, вытаскивая из кармана гигантский носовой платок, покрытый грязными пятнами, и пряча в нем лицо. — Но я п-п-п-просто не могу этого вынести. Лили и Джеймс умерли, а малыш Гарри, бедняжка, теперь будет жить у маглов... — Да, да, все это очень печально, но возьми себя в руки, Хагрид, иначе нас обнаружат, — прошептала профессор МакГонагалл, робко поглаживая Хагрида по плечу. А Дамблдор перешагнул через невысокий забор и пошел к крыльцу. Он бережно опустил Гарри на порог, достал из кармана

мантии письмо, сунул его в одеяло и вернулся к поджидавшей его паре. Целую минуту все трое стояли и неотрывно смотрели на маленький сверток — плечи Хагрида сотрясались, профессор МакГонагалл яростно моргала глазами, а сияние, всегда исходившее от глаз Дамблдора, сейчас померкло.

— Что ж, — произнес на прощанье Дамблдор. — Вот и все. Больше нам здесь нечего делать. Нам лучше уйти и присоединиться к празднующим.

— Ага, — сдавленным голосом согласился Хагрид. — Я это пожалуй, верну Сириусу Блэку его мотоцикл. Доброй ночи вам, профессор МакГонагалл, и вам, профессор Дамблдор. Смахнув катящиеся из глаз слезы рукавом куртки, Хагрид вскочил в седло байка, резким движением завел мотор, с ревом поднялся в небо и исчез в ночи.

— Надеюсь увидеть вас в самое ближайшее время, профессор МакГонагалл, — произнес Дамблдор и склонил голову. Профессор МакГонагалл вместо ответа лишь высморкалась. Дамблдор повернулся и пошел вниз по улице. На углу он остановился и вытащил из кармана свою серебряную зажигалку. Он щелкнул ею всего один раз, и двенадцать фонарей снова загорелись как ни в чем не бывало, так что вся Тисовая улица осветилась оранжевым светом. В этом свете Дамблдор заметил полосатую кошку, заворачивающую за угол на другом конце улицы. А потом посмотрел на сверток, лежащий на пороге дома номер четыре.

— Удачи тебе, Гарри, — прошептал он, повернулся на каблуках и исчез, шурша мантией. Ветер, налетевший на Тисовую улицу, шевелил аккуратно подстриженные кусты, ухоженная улица тихо спала под чернильным небом, и казалось, что если где-то и могут происходить загадочные вещи, то уж никак не здесь. Гарри Поттер ворочался во сне в своих одеялах. Маленькая ручка нащупала письмо и стиснула его. Он продолжал спать, не зная о том, что он особенный, о том, что стал знаменитостью. Не зная, что он проснется через несколько часов от крика миссис Дурсль, которая перед приходом молочника откроет дверь, чтобы выставить за нее пустые молочные бутылки. Не зная о том, что несколько следующих недель кузен Дадли будет щипать и тыкать его — да и несколько последующих лет тоже. И еще он не знал, что в то время, пока он спал, люди, тайно либо открыто собиравшиеся по всей стране, чтобы отметить праздник, поднимали бокалы и произносили шепотом или во весь голос:

— За Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

Прошло семь лет. Все эти годы Гарри прожил в весьма ужасных условиях. Петунья со своим мужем и сыном-дебилем, всячески издевались над сиротой. Постоянные зуботычины и подзатыльники вкупе с оскорблением как самого мальчика, так и его умерших родителей — вот как обстояли дела в доме под номером 4 на Тисовой улице. Мальчик носил старые вещи своего кузена, штопанные перештопанные, так как новые для Гарри покупать никто не собирался. Его постоянно оскорбляли, мальчик привык слышать такие слова как: «ничтожество», «мелкий ублюдок», «выродок» и тому подобное. Когда же Гарри пошел в школу, то Дурсли усилили свою ненависть. Мальчика постоянно избивали за то что тот смел учиться лучше чем Дадли. А Дурсль — младший быстро сформировал гоп-компанию и любимой игрой этих малолетних выродков стала игра «Охота на Гарри». Едва заканчивались занятия в школе, как Поттеру приходилось окольными путями добираться до дома, чтобы не попасться на глаза банде Дадли. В противном случае мальчика просто избивали. Иногда дом Дурслей посещала сестра Вернона — Мардж. Этой жирной твари доставляло особое удовольствие натравливать своего пса Злыдня на сироту. Смотря на то как псина гоняется за Гарри, это двуногое животное вместе с Петуньей и Верноном громко смеялись над страданиями и страхом одинокого ребенка. А когда

пес уставал, трое взрослых по очереди избивали Гарри, не забывая оскорблять беззащитного ребенка. Мальчик не знал, что после всего этого его собственная магия лечила своего хозяина, когда тот спал. В отличие от большинства детей растущих в магическом мире, Гарри был лишен магической подпитки от родового источника, находившегося в любом доме потомственных магов, за исключением магглорожденных. И как следствие этого магическое ядро Поттера развивалось неправильно. Если такое продолжится еще года три, то мальчик мог лишиться всех своих задатков к некоторым магическим дисциплинам, став полнейшей посредственностью, с изуродованным магическим ядром. Но сегодня удача благоволила Гарри. Покинув школу и убедившись что нет поблизости Дадли и его дружков, Поттер поспешил домой. Однако стоило мальчику отойти от школы на несколько десятков метров, как хулиганы появились на горизонте и Гарри ничего не оставалось как кинуться со всех ног, куда подальше. Забежав в парк и слыша позади себя оскорбительные выкрики малолетних дегенератов, Поттер забрался в чащу и продираясь через кустарники, вскоре вышел на какую-то поляну в центре которой стоял двухэтажный каменный старинный дом, вокруг которого стояла какая-то еле заметная дымка. Любопытство разыграло в мальчике. Подойдя поближе, Гарри дотронулся до двери, украшенной изображениями змеи, барсука, льва и ворона, после чего под ним открылся люк и Поттер соскользнул вниз. Оказавшись в каком-то огромном подземном зале, мальчик увидел по краям помещения четыре саркофага, в которых лежали весьма красивые дамы.

«Они словно живые. Наверное какие-то куклы» — подумал Гарри, подойдя поближе. Осматривая незнакомок, Поттер не заметил как нечаянно наступил на небольшой лючок и спустя несколько мгновений раздалось шипение воздуха. А затем в центре возникло световое свечение, окружившее испуганного мальчика. Сжавшись Гарри не знал что ему делать, пока внезапно не услышал в голове чей-то нежный голос.

— Не бойся дитя. Они тебя не обидят. Пора разбудить моих стражниц. Они помогут тебе стать сильным.

Повинуясь этому странному наитию, Гарри подошел к стене на которой были выгравированы змея, лев, барсук и ворон. Нажав поочередно их мальчик стал ждать, что будет дальше. Затем светящийся овал разделился на четыре луча, которые полетели к саркофагам, впитавшись в них. Некоторое время ничего не происходило, пока крышки не отлетели в стороны и четверо красивых и стройных девушек вышли вперед.

— Наконец—то наш сон завершился — первой высказалась черноволосая, зеленоглазая девушка. Стоя в стороне Гарри старался не отсвечивать, но его вскоре заметили. Светловолосая девушка, подошла к мальчику, внимательно смотря на него своими добрыми синими глазами.

— Как тебя зовут, мальчик? — поинтересовалась она

— Чудесно, нас разбудил какой-то ребенок — тем временем саркастически высказалась зеленоглазая брюнетка в темно-зелёной одежде.

— Помолчи, Салазара. Сейчас не до твоих остроумий — высказалась рыжая.

— Да неужели, Годрида!

— А ну заткнулись обе. Хватит устраивать сыр-бор — вмешалась вторая брюнетка в темно-синем длинном платье. Пока трое дам пререкались друг с другом, светловолосая изучала мальчика.

— Меня зовут Гарри — после недолгого молчания, произнес мальчик, с опаской поглядывая на

незнакомок.

— Приятно познакомиться, Гарри. Я Хельга, а это Салазара, Годрия и Ровена — представилась сама и представила своих подруг блондинка. После чего продолжила внимательно осматривать ребенка, переключившись на магическое зрение. И то что она увидела, повергло леди Хаффлпафф в полнейший шок. Мало того, что у мальчика имелись следы многочисленных побоев, но его магическое ядро неправильно развивалось, да и черномагического паразита искусная целительница сразу же заметила.

— О, мать моя, Моргана. Какой ужас — тихо прошептала Хельга.

— Что ты увидела? — подошла к ней, Ровена, пока Салазара и Годрия заканчивали пререкаться друг с другом.

— Его магическое ядро развивается неправильно и сосредоточено только на выживании ребенка, так же я чувствую в нем черномагического паразита. Однако пока не могу понять какой природы — тихо прошептала Хельга, пока Гарри с непониманием смотрел на незнакомок.

— О чем вы говорите и кто вы вообще? — произнес мальчик.

— Не бойся юный маг, мы не причиним тебе вреда.

— Маг? Никакой магии не существует. Это ненормальность, так говорит дядя — прошептал последние слова мальчик очень тихо.

— ЧТО!!! КАКОЙ-ТО ГРЯЗНЫЙ МАГГЛ СМЕЕТ ЗАЯВЛЯТЬ ПОДОБНОЕ!!! — тот час вспыхнули Салазара и Годрия, в чьих глазах горел огонь возмущения.

— Успокойтесь, обе. Гарри, ты маг, я чувствую твою мощную магическую энергетику, которая правда слегка нарушена — спокойным тоном, произнесла Хельга.

— Докажите тогда свои слова — высказался мальчик.

Достав из рукава своего длинного платья, свой волшебный жезл, Ровена наколдовала небольшой огненный шарик.

— Ну, теперь ты веришь?

— Да — заворожённо смотря на магический огонь, произнес Гарри.

«Пора пробуждать мэно» — мысленно произнесла Салазара, после чего ушла через не приметную дверь, отправившись в ритуальную комнату.

— Тринки — щелкнув пальцами вызвала домового эльфа, Годрия.

— Да, хозяйка — писклявым голоском произнесла эльфийка.

— Кто это? — смотря на маленькое существо с острыми ушками, одетое в рыжую мантию, поинтересовался мальчик.

— Это домовый эльф, она проводит тебя до комнаты — произнесла Хельга. После того как мальчик вместе с эльфийкой ушел, дамы пошли помогать Салазаре, пробуждать дом от многовекового сна. А потом им нужно было решать что делать дальше. Они еще не знали, что

магический мир Англии представляет собой довольно жалкое зрелище.

<http://tl.rulate.ru/book/32604/705106>